

Полянский Иоанн Васильевич

**Записки миссионера: беседы
с старообрядцами
протоиерей Иоанн
Полянский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И75

И75 **Иоанн Васильевич П.**
Записки миссионера: беседы с старообрядцами протоиерей Иоанн Полянский
/ Полянский Иоанн Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 272 с.

ISBN 978-5-519-78960-8

ISBN 978-5-519-78960-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ моленной у Филипповцевъ.

I.

Несогласіе старой вѣры съ Евангеліемъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Вологду (7-го декабря 1889 г.) я узналъ, что въ приходѣ церкви святителя Николы во Владычней есть старовѣрческая моленная. Довольно долго собирался я побывать въ ней,—наконецъ рѣшился, и 26 января часовъ въ 10 утра пошелъ отыскивать эту моленную. Думаю: церковный сторожъ при Никольской церкви навѣрное знаетъ, гдѣ домъ Великанова, хозяина моленной. Спрашиваю у сторожа; но оказывается, къ моему удивленію, что онъ не знаетъ. Спрашивалъ еще у двухъ встрѣчныхъ,—не знаютъ. Идетъ дѣвочка лѣтъ пятнадцати, несетъ на коромыслѣ два ведра воды,—я говорю ей: не знаешь ли, милая, гдѣ домъ Великанова?—А вотъ!—говорить, и указываетъ домъ, возлѣ котораго мы разговариваемъ: „здѣсь,—прибавила она,—живутъ старовѣры, у нихъ моленная“. Поблагодарилъ я дѣвочку, и мы разстались. Не сразу вошелъ я въ указанный домъ. Прошелся по набережной рѣки Вологды, потомъ вернулся назадъ и идучи молился: Господи! хоть бы приняли-то они меня попріязненнѣй! Дай Боже, чтобъ слово мое пало не на камень, а на добрую землю!..

Вхожу въ домъ. Баба бѣлье стираетъ; двѣ старухи вправо отъ двери что-то дѣлаютъ. Мужикъ (его сначала я не очень примѣтилъ) на печи лежитъ. Помолился Богу; кланяюсь, говорю: здравствуйте!

— Здравствуй!

— Здѣсь домъ Великанова?

— Здѣсь.

— Тутъ, я слышалъ, есть моленная. Нельзя ли посмотреть?

Мужикъ съ печи говорить: Да что жъ ее смотрѣть?! Моленная—какъ моленная: нечего ее смотрѣть, ничего любопытнаго нѣтъ.

Я отвѣчаю: Я въ Вологдѣ недавно, всего второй мѣсяцъ. Какъ новичокъ въ вашемъ городѣ, я всѣмъ интересуюсь. Я видалъ въ другихъ мѣстахъ старовѣрческія моленные: хочется и у васъ посмотреть.

— Нечего у насъ смотрѣть! Какъ у васъ въ церквахъ иконы, лампы, такъ и у насъ!

— Вотъ и не мѣшаетъ сравнить ваше съ нашимъ.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это препирательство; мужику, видимо, не хотѣлось слѣзать съ теплой печи. Но одна изъ старухъ умиласердилась надо мною. „Да ты,—говоритъ она мужику,—слѣзь съ печи-то! лѣнь! чего тебѣ стоитъ!“ Назвала его Александромъ. Нѣхотя слѣзь Александръ съ печи. Ну, говорить, пойдѣмъ. И повелъ меня по лѣсенкѣ наверхъ, во второй этажъ, въ моленную.

Очень небольшая комнатка. Передняя стѣна вся иконами уставлена: лампы передъ ними. Помолясь Богу, мы стали разсматривать иконы. Какъ обыкновенно, иконы старыя; на иныхъ трудно разобрать, кто изображенъ. Отъ иконъ перешли къ книгамъ: кромѣ богослужебныхъ (Минеи, Октоиха, Трїоди) Толковый Апостолъ и Златоустъ, кажется. Я спрашивалъ о Кирилловой книгѣ, Книгѣ о вѣрѣ, Катихизисахъ,—сказалъ, что этихъ нѣтъ.

— Какъ у васъ бѣдно!—говорю Александру.

Онъ объяснилъ мнѣ эту бѣдность малочисленностію посѣщающихъ моленную.

— И сравнивать, говорю, нельзя вашу моленную съ моленной на Преображенскомъ, въ Москвѣ. Та имѣетъ полный видъ церкви и снаружи и внутри; даже иконостасъ есть. Правда, все это лицемѣрно...

— Какъ лицемѣрно?

— Да такъ: иконостасъ полный, и подсвѣчники передъ мѣстными иконами,—все, какъ въ церквахъ; но иконостасъ прямо прилаженъ къ стѣнѣ, никакого алтаря нѣтъ. И мнимый алтарь, какъ вставной стеклянный глазъ у человѣка, только обманываетъ съ перваго раза своею наружностью. Да и какой же можетъ быть алтарь, когда

они безпоповцы? Онъ имъ ненуженъ! Но лицемѣріе и здѣсь поддѣлалось подъ видъ истинной церкви.

— А ты—спрашиваетъ—какъ же попалъ къ преображенскимъ въ моленную?

Въ это время вошла та старуха, что умиласердилася надо мной. Видить, что мы разговариваемъ, и спрашиваетъ: Да что жъ ты, батюшка, такъ интересуешься нашей моленной? Ты изъ какихъ будешь?

Я думаю про себя: видно она полагаетъ, что я старовѣръ... и огорошилъ ее прямо словами: да вѣдь я, батюшка, православный, сказать по-вашему никоніанинъ, вотъ какъ молюсь (и показалъ ей три перста)...—Какъ она плюнетъ! Кабы, говорить, я это знала, и на порогъ бы тебя не пустила...

— Что жъ ты, говорю, сердисься? Я пришелъ къ вамъ во имя Христа...

Хлопнула дверью, ушла,—не дала и договорить.

— Это что жъ, мать тебѣ?—спрашиваю Александра.

— Нѣтъ,—говорить.

— Вотъ, — замѣчаю ему, — и поговори съ такими-то! Смѣется.

Потомъ я продолжалъ рассказывать, какъ познакомился съ преображенцами. Случилось мнѣ, говорю, въ одномъ мѣстѣ объяснять народу притчу Спасителя о милосердѣи самарянѣ¹⁾. Надо было растолковать, кто это были самаряне. Самаряне,—говорилъ я,—были сосѣди евреевъ—жидовъ; были съ ними одной почти крови и одной почти вѣры, но былъ между ними расколъ. Самаряне не признавали за святыя—книги, написанныя послѣ пророка Моисея. Какъ наши старовѣры говорятъ: что послѣ Іосифа патріарха написано, того не принимаемъ; такъ и самаряне говорили: что послѣ пророка Моисея написано, того не принимаемъ. И была у жидовъ съ самарянами великая вражда. Нужно было, напр., жиду изъ Галилеи идти на праздникъ въ Іерусалимъ, въ Іудею: не шель прямой дорогой чрезъ Самарію, а дѣлалъ обходъ, крѣку

¹⁾ Будучи студентомъ Московской академіи, я нѣкоторое время ходилъ въ лаврскую трапезную церковь объяснять народу притчи, изображенныя по стѣнамъ.

давалъ много, только бы не встрѣчаться съ самарянами. Пить другъ другу не давали, и не просили другъ у друга пить, такъ что когда одинъ Еврей попросилъ пить у самарянки, та удивилась: еврей, да просить пить у самарянки! Но это былъ тотъ Еврей, который научилъ людей забыть вражду, любить другъ-друга и всёмъ давать пить, не боясь, что опоганится твоя посуда о чужія губы. Это былъ—Спаситель, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и слова „любите другъ-друга“ Имъ сказаны. Наши старовѣры не понимаютъ этихъ словъ, и, какъ самаряне евреямъ, не даютъ намъ православнымъ, пить изъ своей посуды. Тутъ (разсказываю я Александру) одинъ изъ моихъ слушателей не выдержалъ. Да вамъ, говорить, и не стоитъ давать пить: вы еретики!—Какъ, спрашиваю, еретики?—Да всю вѣру разрушили!—Неужели всю?—Всю.—Ты, говорю, не спѣши обвинять. Ты вѣруешь въ Отца и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную?—Вѣрую.—Вѣруешь, что Сынъ Божій, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшелъ съ небесъ, воплотился и вочеловѣчился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы Богородицы?—Вѣрую.—Вѣруешь, что Онъ нашего же ради спасенія предалъ себя въ руки враговъ, претерпѣлъ всякое поруганіе, бичеваніе, распятіе, смерть? Вѣруешь, что если-бъ Христосъ не распялся на крестѣ, погибъ бы грѣшный нашъ родъ?—Вѣрую.—Во все это и мы, православные, вѣруемъ: какъ же вы, старовѣры, говорите, что у насъ вся вѣра разрушена? Тутъ онъ сталъ указывать, что у насъ, по-вашему, испорчено: не тѣми перстами мы крестимся, не такъ поемъ въ церкви, слова не такъ выговариваемъ, креститься не умѣемъ, постовъ не соблюдаемъ, и проч. и проч.

Когда я передавалъ Александру, что я отвѣчалъ старовѣру и что онъ возражалъ мнѣ,—незамѣтно, постепенно мой разсказъ смѣнился разговоромъ, бесѣдой съ самимъ Александромъ,—онъ занялъ мѣсто того старовѣра, о которомъ я началъ ему разсказывать, а я уже не сталъ говорить, что я отвѣчалъ тогда старовѣру, но сталъ отвѣчать самому Александру, задавшему мнѣ тѣ же самые вопросы, какіе задавалъ тогда,—давно, года 4 назадъ,—одинъ Московскій старовѣръ по Преображенскому Клад-

бищу. Такимъ образомъ, характеръ моего разговора съ Александромъ измѣнился изъ передачи бывшей когда-то бесѣды въ настоящую бесѣду уже съ нимъ самимъ.

Во время этого довольно мирнаго спора пришла та, вначалѣ милосердная, а потомъ гнѣвная старуха и привела съ собою другую. Стали обѣ у дверной притолки,—слушаютъ. Ты, батюшка, прости меня, что я давеча тебѣ сказала грубое слово! Языкъ у меня злой, невоздержанный!—вдругъ перервала она нашъ разговоръ.

— Ничего,—говорю.—Богъ проститъ, бабушка!

И онѣ приняли участіе въ разговорѣ. Оказались онѣ, или показались мнѣ болѣе смыслящими и потому болѣе интересными собесѣдницами, чѣмъ Александръ—особенно старуха со „злымъ языкомъ“. Александръ при нихъ совсѣмъ замолкъ, а потомъ, наскучила ли ему эта бесѣда, или дѣло какое у него было, только онѣ и совсѣмъ ушелъ изъ дому, такъ что я не видалъ его больше.

Одна старуха—родомъ православная, въ расколъ же ушла вотъ почему. Была она очень больна, близъ смерти даже, и дала Богу обѣтъ: „если я выздоровѣю, то перейду въ вѣру“, т.-е. въ расколъ. Выздоровѣла—и ушла въ „вѣру“. Увѣщанія приходскаго священника, благочиннаго и даже консисторіи не обратили новую старовѣрку, но, пожалуй, еще болѣе закрѣпили ее въ расколѣ: эти увѣщанія показались ей какими-то мытарствами, и изъ-за нихъ она и до днесь считаетъ себя претерпѣвшею гоненія за вѣру. Она ничего такъ не боится, какъ возможности повторенія этихъ увѣщаній. Въ продолжительномъ разговорѣ со мной эти бабушки стали очень откровенны,—можно сказать, всю душу выложили передо мной; даже не укрыли нѣкоторыхъ сомнѣній въ своей вѣрѣ, но... нѣтъ-нѣтъ, да въ срединѣ самаго откровеннаго какого-либо признанія внимательно-внимательно уставятся глазами на меня, да и спросятъ, то одна, то другая: „А не посланъ ты, батюшка? не потянутъ насъ опять въ консисторію? не заставятъ насъ насильно идти въ церковь?“—Нѣтъ, говорю, бабушки, успокойтесь—пожалуйста; я пришелъ къ вамъ во имя Христа, а Христосъ никого силою къ себѣ не тянулъ, да и намъ запретилъ заступаться за Него насиліемъ. Петръ апостолъ вздумалъ

было мечемъ защитить Его, когда Его враги брали въ саду Геосиманскомъ; но Онъ сказалъ Петру: „вложи мечъ твой въ ножны“. Мы священники, послѣдователи апостоловъ, должны проповѣдью защищать Христа и Его невѣсту—церковь, только словомъ евангельскимъ наставлять еретиковъ и раскольниковъ, больше же ничего не употреблять для привлеченія въ церковь,—и особенно меча, насилія, принужденія.

Успокоились старухи, выслушавъ мою миссіонерскую исповѣдь.

Изъ моего разговора съ ними я изложу только то, что особенно кажется мнѣ интереснымъ. Когда старушка рассказала, что она перешла въ расколъ послѣ исцѣленія отъ болѣзни, то прибавила: „И вотъ, если я теперь вернусь обратно въ церковь, не попаду ли я подъ собственную свою клятву? Вѣдь я какъ бы по обѣту ушла къ старовѣрамъ“.

Я сказалъ ей: Значитъ, ты думаешь, что это выздоровленіе дано тебѣ было отъ Бога за твое намѣреніе уйти изъ церкви?

— Да!

— Почему же ты это узнала? Развѣ Богъ прислалъ тебѣ вѣстника, ангела, который сказалъ тебѣ, что вотъ Господь дастъ тебѣ исцѣленіе за твое желаніе уйти къ филипповцамъ?

— Гдѣ-жѣ вамъ, грѣшнымъ, удостоиться, чтобы Господь къ намъ прислалъ своего ангела!

— Ну, такъ почему же ты убѣдилась, что надо переходить къ филипповцамъ?

— Да вотъ потому, что выздоровѣла.

— А если-бъ ты, бабушка, будучи тогда при смерти, сказала: „Господи, если я выздоровлю, уйду къ евреямъ въ ихъ вѣру, или къ туркамъ въ ихъ вѣру“, и далъ бы тебѣ Господь Свою милость,—выздоровѣла бы ты: что-жъ, ты ушла бы къ евреямъ, или къ туркамъ въ ихъ вѣру?

— Ну, какъ это можно? вѣдь евреи—страшные...

— Не перешла бы, значитъ, если бы и выздоровѣла?

— Нѣтъ.

— Ну, а къ старовѣрамъ-то зачѣмъ же перешла? Ты дала обѣтъ. Но обѣты даются на безспорно доброе дѣло:

напр., обѣты поста, богомолья, милостыни. А ты развѣ знала, что переходъ изъ церкви въ секту раскольничью— доброе дѣло? Вѣдь не знала, и ангелъ тебѣ не открылъ этого? Тебѣ бы благодарить Бога за посланное Имъ выздоровленіе, а не измѣнять православной вѣрѣ... А что ты боишься разрушить свое обѣщаніе, подпасть подъ свою клятву, такъ вспомни, что Иродъ царь тоже боялся измѣнить своему клятвенному слову, и хотъ слово-то было совершенно безразсудно, исполнилъ его и отсѣкъ главу Іоанна Предтечи. Не всякое обѣщаніе надо исполнять, а только разумное и съ волей Божіей согласное.

Другая старушка оказалась большой начетчицей. Говоришь что-нибудь,—она то и дѣло вставляетъ въ твою рѣчь словечки: „да, я сама это читала; Златоустъ такъ-то говорить, я знаю“. Любопытный у насъ съ ней вышелъ разговоръ по поводу ея слова: „Златоустъ то же вотъ говорить“.

— Ты Златоуста не слушаешь, зачѣмъ же ссылаешься на него?

— Какъ Златоуста не слушаю?! Что ты, батюшка?!

— Златоустъ вездѣ учитъ наперекоръ вашему ученію; онъ обличаетъ васъ. Златоустъ разъясняетъ слова Христовы и апостольскія, а не противится имъ; онъ учитъ согласно съ Евангеліемъ; у него—Христово ученіе.

— А у насъ развѣ не Христово?

— Очень во многомъ не Христово. Ты грамотная,—возьми ты листокъ бумаги, раздѣли его линейкой пополамъ и пиши:—на одной сторонѣ то, что говорятъ намъ Христосъ, апостолы, Златоустъ; а на другой, противъ ихъ словъ, то, что говорите вы, филипповцы,—и ты ужаснешься! Окажется, что рѣдкому слову евангельскому вы не противорѣчите.

— Въ чемъ же мы противорѣчимъ Евангелію?

— А вотъ въ чемъ. Во-первыхъ,—сказалъ Христосъ и записано Его слово во святомъ Евангеліи (Мѣ. 16, 18): *созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей. Я построю. Мою церковь и никто, самъ сатана со всѣми своими силами, не разоритъ ее,—такъ она будетъ непоколебима и неразрушима! А вы говорите: Никонъ уничтожилъ Христову церковь, велѣвши по новому складывать*

персты для крестнаго знаменія (Хотя перемѣна перстосложенія никакой ереси не внесла въ церковь: въ томъ и другомъ перстосложеніи три перста, соединенные вкупѣ, знаменуютъ таинство Святыя Троицы, а два—таинство воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божія и Сына Маріи Дѣвы, единого въ двухъ естествахъ). И въ этомъ вашъ главный грѣхъ, что вы думаете, будто Христосъ не могъ защитить отъ Никона, слабаго чловѣка, свою невѣсту—церковь. Про эту церковь Златоустъ въ Маргаритѣ (л. 193) говоритъ, что „удобнѣ солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“; а вы говорите, будто она куда-то дѣлась, чуть ли на небо не улетѣла, такъ что мы, несчастные люди, остались безъ церкви; а безъ церкви, извѣстно, невозможно спастись. Вотъ, вы не вѣруете во всемогущество Сына Божія, думаете о Немъ, что Онъ не могъ оправдать своего слова, сказаннаго Имъ о церкви: *врата адова не одолѣютъ ей*,—понимаете такъ, что даже Никонъ ее одолѣлъ! Хотите дальше слушать, въ чемъ вы учите не по Христову ученію?

— Хотимъ,—говорятъ.

— Пиши, бабушка: учить насъ православная вѣра, что если хочетъ мужчина жить съ женщиною, то долженъ онъ съ нею вступить въ бракъ, вѣнчаться; а также если женщина хочетъ жить съ мужчиною, то должна съ нимъ повѣнчаться, жить съ нимъ по-божьи, „о Господѣ“, какъ апостолъ говоритъ (1 Кор. 7, 39). Это всегдашняя вѣра церкви. Иначе жить женщинѣ съ мужчиною, какъ не въ церковномъ бракѣ, есть, по Христову и апостольскому ученію, грѣхъ, блудъ. А вы учите, что нельзя жить въ бракѣ, запрещаете бракъ, требуете общеобязательнаго, поголовнаго дѣвства. И такое ваше ученіе есть новшество, потому что церковь, вѣрная слову Христову (Мѡ. 19, 11), безбрачіе благословляетъ только для „могущихъ вмѣстить слово сіе“ (т.-е. ученіе о безбрачіи). Вотъ вы отмѣнили заповѣдь Христову и замѣнили ее своею. А она оказывается для васъ непосильнымъ игомъ, и ваши дѣвственницы рождаютъ дѣтей, а дѣвственники—отцы этихъ странныхъ дѣтей.

Старуха (начетчица) на это сказала: „А у васъ развѣ нѣтъ беззаконій? Еще больше, чѣмъ у насъ!“ Я ей отвѣ-

тилъ: Знаю, бабушка. Но велика разница между нами и вами. Родить наша дѣвушка,—ей нечѣмъ оправдаться передъ совѣстью, передъ Богомъ: она не дождалась брака. она послушалась своей похоти, сдѣлала грѣхъ. Если ей хотѣлось родить дѣтей, она должна бы выйти замужъ. Другое совершенно дѣло, когда родить ваша дѣвушка. Она не могла выйти замужъ, потому что брака, по-вашему, нѣтъ на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ попы стали водить вокругъ аналая молодыхъ не по солнцу, а противъ солнца. Ее заставила такъ, незаконно, родить не похоть, какъ нашу, а неволя: ей иначе и нельзя. Поняли ли разницу между грѣхомъ у васъ и грѣхомъ у насъ?

Оказалось, что поняли. Особенно уразумѣла это различіе старуха, бывшая когда-то православною. По ея словамъ, они обречены (хотя никто ихъ не обрекалъ: не на кого пенять, сами выдумали ужасное ученіе), они обречены жить (въ этомъ отношеніи), „какъ собаки“...

И дополнилъ еще: А утверждая, что браку теперь не должно быть, вы обрекаете на прекращеніе весь родъ человѣческій: по-вашему, его уже не должно быть, ибо у безбрачныхъ и не можетъ быть дѣтей, поколѣнія. Итакъ, Божіе слово, еще Адаму съ Евою сказанное: *раститеся и множитесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28) вы упраздняете, запрещая размножаться людямъ. Еще, по-вашему, теперь Богъ попустилъ, чтобы чрезъ блудъ одинъ люди размножались. Вотъ до чего вы додумались! А про тѣхъ, кто запрещаетъ бракъ, апостолъ Павелъ сказалъ: они отступили отъ вѣры, внимаютъ духамъ лести и ученіямъ бѣсовскимъ (1 Тим. 4, 1—3). Исно ли, что ваше ученіе о бракѣ не Христово?

Молчатъ.

— Пиши, бабушка, дальше: Апостолъ учить насъ прежде всего молиться „за царя“ (1 Тим. 2, 2). А царь-то былъ тогда язычникъ и лютый гонитель Неронъ, который потомъ отсѣкъ мечемъ главу самому апостолу Павлу и распялъ на крестѣ Петра апостола. Такъ вотъ апостолы даже и за этого Нерона велѣли христіанамъ молиться; а вы учите, что за христіанскаго, благочестиваго царя молиться не должно, потому что онъ, когда крестится, не такъ, какъ вы, персты складываетъ... Вы почитаете-

его антихристомъ; а, можетъ-быть, въ эту самую минуту этотъ, по-вашему, антихристъ стоитъ на колѣнахъ и молится Христу, Богу нашему и Богу вашему.

Старуха меня удивила: она заявила, что они, филипповцы, за царя молятся. А я зналъ по исторіи, что изъ-за этого вопроса (о моленіи за царя) и возникла самая секта Филиппа, сжегшаго себя, какъ бы въ доказательство мысли, что не надо молиться за царя; выговцевъ же, принявшихъ молитву за царя, во время слѣдствія, производившагося подъ начальствомъ чиновника Самарина, Филиппъ, воспользовавшись созвучіемъ, обозвалъ „самарянами“. Я рассказалъ старухѣ эту исторію. Она сказала: „не знаю, какъ дѣло было тогда, но теперь мы молимся за царя“. И привела тѣ же основанія, какими я думалъ опровергать ихъ немоленіе за царя. Если правда это, то вотъ новый примѣръ того, какъ теперешніе раскольники далеко ушли отъ своихъ первоучителей. А, можетъ-быть, старуха и намѣренно утаила, что не молятся,—хотя тонъ ея рѣчи ни капельки не отзывался притворствомъ.

Потомъ говорили объ исповѣди. Этой мудрости, что и мірянинъ можетъ принимать на духъ, что и „старча исповѣдь пріята“, она или не знала совсѣмъ, или это мудрованіе не пришло ей на мысль тогда.

Кончили мы бесѣдой о таинствѣ причащенія. Долго говорили о крестѣ Христовомъ,—о чашѣ, которую Онъ испилъ, о Его мученіи, страстяхъ, распятіи; потомъ о другой чашѣ, къ которой Христосъ приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ, говоря: *пійте отъ нея вси...* (Мѡ. 26, 27). Я говорилъ: Какъ Христосъ за всѣхъ положилъ свою душу, пролилъ свою кровь, такъ и всѣ должны причаститься Его животворящей крови. Кто не причащается, тотъ отказывается отъ приглашенія самого Христа принять участіе въ Его тайной вечери. Въ то время, когда *вси* идутъ ко св. чашѣ, такой человѣкъ сторонится отъ пути къ этому источнику безсмертія,—думаетъ спастись безъ него. По нескazanной гордости, онъ думаетъ замѣнить святыя дары постомъ и молитвой. Но можно ль замѣнить незамѣнимое? Можно ли замѣнить чѣмъ-либо голову, если ея лишился человѣкъ? Можно ли замѣнить святое причастіе подвигами воздержанія? Намъ не предоставилъ Христосъ